

**В Президиум
Свердловского областного суда**

от адвоката
Добровинского Александра Андреевича

=====

107045, Москва, Последний пер., 7
Московская коллегия адвокатов
«Александр Добровинский и партнёры»
тел: 8-(495)-737-40-50
факс: 8-(495)-737-40-51

25 января 2015 года

в защиту
(ордер адвоката на защиту прилагается)

оправданного
Лошагина Дмитрия Александровича

**КАССАЦИОННАЯ
ЖАЛОБА**

на

апелляционное определение

Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда

от 26.02.15 г

об отмене оправдательного приговора судьи Измайлова Э.Р.

Октябрьского районного суда города Екатеринбурга

от 25.12.14 г

в отношении Лошагина Д.А.

Приговором **от 25.12.14 г** судьи Измайлова Э.Р. Октябрьского районного суда города Екатеринбурга -

Лошагин Дмитрий Александрович, 08.10.75 г.р., -

оправдан по обвинению в совершении умышленного причинения смерти (убийстве) своей супруге Прокопьевой Ю.А. Действия оправданного Лошагина Д.А. квалифицировались органами расследования по ч.1, ст.105 УК РФ.

Оправдательный приговор обжалован стороной обвинения в апелляционном порядке.

Определением от **26.02.15 г** суда апелляционной инстанции (Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда) **оправдательный приговор отменён**. Уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд первой инстанции, в ином составе суда.

При повторном рассмотрении уголовного дела, в отношении Лошагина Д.А. постановлен обвинительный приговор (в настоящее время обжалуемый).

Ознакомление с материалами данного уголовного дела, оправдательным приговором, протоколом судебного заседания, апелляционным представлением прокурора и апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда позволило прийти к выводу, что апелляционное определение об отмене оправдательного приговора в отношении Лошагина Д.А. подлежит отмене в кассационном порядке по следующим основаниям:

I.

Судебной коллегией нарушен порядок уголовного судопроизводства.

В соответствии с ч.2, ст.1 УПК РФ, установленный в УПК РФ порядок уголовного судопроизводства обязателен для судов всех инстанций, в том числе, для суда второй (апелляционной) инстанции.

По результатам рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке, судом апелляционной инстанции, в соответствии с ч.2, ст.389.28 УПК, выносится апелляционное определение в порядке, установленном статьями 297-313 УПК РФ.

Содержание апелляционного определения определено положениями ч.3, ст.389.28 УПК РФ.

В силу требований ч.4, ст.7 УПК РФ, апелляционное определение должно отвечать критериям законности, обоснованности и мотивированности.

В соответствии с разъяснениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.12 г № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», суд апелляционной инстанции не вправе выходить за доводы апелляционного представления, жалобы (п.16 ППВС). Также, суд апелляционной инстанции не вправе предрешать выводы суда первой

инстанции при новом рассмотрении дела (п.21 ППВС). Отменяя приговор, Судебная коллегия должна указать, какие конкретно нарушения закона послужили основанием для этого (п.22 ППВС).

В нашем случае, Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда эти требования уголовно-процессуального закона и разъяснения (указания) высшей судебной инстанции не выполнила, что повлекло незаконную и необоснованную отмену оправдательного приговора.

Учитывая, что полномочия суда кассационной инстанции, в отличие от суда апелляционной инстанции, ограничены проверкой только законности обжалуемых судебных актов, вступивших в законную силу (ст.401.1 УПК РФ), а также, принимая во внимание, что апелляционное определение вступает в силу с момента его провозглашения (ч.2, ст.390 УПК РФ), то кассационные доводы к отмене обжалуемых приговора и апелляционного определения полагаю целесообразным изложить следующим образом:

1.1.

Судебная коллегия незаконно приняла к рассмотрению и рассмотрела дополнительные апелляционные жалобы потерпевших и представление прокурора, поданные за пределами установленного законом срока.

Предметом апелляционной проверки являются доводы апелляционных жалоб, представления, а также дополнений к ним, которые **должны быть поданы в установленные уголовно-процессуальным законодательством сроки.**

В силу императивных требований уголовно-процессуального закона (ч.4, ст.389.4 УПК РФ), прокурор государственный обвинитель **вправе принести дополнительное апелляционное представление об отмене оправдательного приговора.** Однако, если эти дополнения к апелляционному представлению будут поданы ПО ИСТЕЧЕНИИ установленного в ч.1, ст.389.4 УПК РФ 10-дневного срока апелляционного обжалования приговора, то, **в этих дополнениях прокурор не может поставить вопрос об ухудшении положения оправданного, если таковое требование не содержалось в первоначальном апелляционном представлении прокурора.**

Аналогичное ограничение установлено в отношении апелляционных жалоб потерпевших и дополнений к ним (дополнительных апелляционных жалоб).

Таким образом, в дополнительных представлениях, жалобах **не могут быть приведены доводы**, не содержащиеся в первоначальных жалобах, представлении.

Однако, как усматривается из материалов данного уголовного дела эти нормативные ограничения не были соблюдены Судебной коллегией, что повлекло незаконное принятие к рассмотрению и незаконное рассмотрение судом апелляционной инстанции дополнительного апелляционного представления прокурора и дополнительных апелляционных жалоб потерпевших и представителя потерпевших, **поданных за пределами 10-дневного срока**, в которых ставились дополнительные вопросы, ухудшающие положение осужденного Лошагина Д.А.

Так, приговор был провозглашён 25.12.14 г, поэтому, с учётом новогодних праздников, **10-дневный срок истёк 12.01.15 г.**

Государственный обвинитель прокурор Оздоев М.Т. подал апелляционное представление на оправдательный приговор 26.12.14 г, согласно штампу суда и входящему регистрационному номеру - № 3290 **(том 12, л.д.103)**.

Спустя месяц, в нарушение положений ч.4, ст.389.4 УПК РФ, прокурором Оздоевым М.Т. подано ещё одно, дополнительное апелляционное представление, датированное **от 28.01.15 г (том 12, л.д.154)**, что вызывает сомнение, так как, в этот день (28.01.15 г) уголовное дело с сопроводительным письмом заместителя председателя Октябрьского районного суда города Екатеринбурга Антоновой О.С. **уже было направлено в суд апелляционной инстанции** – Судебную коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда **(том 13, л.д.1)**.

Сомнение обусловлено тем, что на дополнительном представлении прокурора Оздоева М.Т. имеется только штамп суда с указанием даты – 28.01.15 г. Однако, **отсутствует регистрационный номер экспедиции районного суда**. При этом, на первоначально поданном апелляционном представлении прокурора Оздоева М.Т. от 26.12.14 г имеются и штамп суда, и входящий регистрационный номер.

Отсутствие входящего регистрационного номера на дополнительном апелляционном представлении государственного обвинителя означает, что **этот документ, повлекший для оправданного Лошагина Д.А. негативные правовые последствия, не был получен судом в официальном порядке**. При этом, на всех жалобах, поданных потерпевшими и их представителем, проставлены и штамп суда, и входящий регистрационный номер.

Указанное обстоятельство, т.е., отсутствие на первом листе дополнительного апелляционного представления прокурора Оздоева И.Т. обязательного входящего регистрационного номера, **не было проверено судом апелляционной инстанции**, что вызывает сомнение в законности и объективности рассмотрения данного

уголовного дела в апелляционном порядке.

Кроме того, если уголовное дело ещё находилось в районном суде, и в этот момент было бы подано дополнительное апелляционное представление прокурора, то, дело не могло быть направлено в суд апелляционной инстанции, поскольку копии дополнительного апелляционного представления прокурора надо было разослать участникам судебного процесса и предоставить им время для ознакомления с доводами дополнительного апелляционного представления и подготовки своих возражений. О принесении которых также должны были быть уведомлены участники судебного процесса.

Полагаю очевидным, что Судебная коллегия ознакомилась с дополнительным апелляционным представлением государственного обвинителя Оздоева М.Т., значит, выяснила, что содержание текста этого дополнительного апелляционного представления государственного обвинителя от 28.01.15 г (**объёмом в 7 стр.**) было существенно расширено (дополнено и уточнено) по сравнению с первоначальным апелляционным представлением прокурора от 26.12.14 г (**объёмом в 4 стр.**).

Поэтому, в силу закона, дополнительное апелляционное представление государственного обвинителя Оздоева М.Т. не могло быть принято к производству суда апелляционной инстанции, поскольку в нём прокурором приведены новые, дополнительные доводы, направленные на ухудшение положения оправданного Лошагина Д.А., которые ранее отсутствовали в первоначальном апелляционном представлении прокурора Оздоева М.Т. от 26.12.14 г.

Таким образом, по данному уголовному делу нарушен порядок подготовки и направления материалов уголовного дела на рассмотрение в суде апелляционной инстанции, что являлось основанием для снятия дела с апелляционного рассмотрения и его возвращения в суд первой инстанции для надлежащей подготовки материалов уголовного дела для его рассмотрения в суде апелляционной инстанции.

Аналогичное нарушение допущено в отношении апелляционных жалоб потерпевших Рябовой С.В., Рябова М.В. и их представителя Черноусова Е.А.

Апелляционная жалоба (названная «апелляционным представлением») от имени Рябовой С.В., подписанная Рябовой С.В. и Рябовым М.В. была подана в Октябрьский районный суд 30.12.14 г (**том 12, л.д.114**).

Апелляционная жалоба от представителя потерпевшей Рябовой С.В. – адвоката Черноусова Е.А. сдана в районный суд в последний день срока - 12.01.15 г (**том 12, л.д.123**).

Дополнительная апелляционная жалоба от потерпевшей Рябовой С.В. подана уже в областной суд 16.02.15 г (**том 13, л.д.15**).

Дополнительная апелляционная жалоба от представителя потерпевшей – адвоката Черноусова Е.А. сдана также в областной суд 16.02.15 г (**том 13, л.д.18**), то есть, тоже за пределами 10-дневного срока, установленного в ч.4, ст.389.8 УПК РФ. В связи с чем, в дополнительных жалобах потерпевшей и её представителя не могли быть приведены доводы и поставлены вопросы об ухудшении положения оправданного Лошагина Д.А. в сравнении с доводами предварительных жалоб.

При этом, представитель потерпевшей – вновь вступивший в дело адвокат Черноусов Е.А., не ходатайствовал о восстановлении ему срока апелляционного обжалования приговора или продления срока для подготовки дополнительной апелляционной жалобы в связи с необходимостью ознакомления с материалами уголовного дела и протоколом судебного заседания.

Постановлением судьи Свердловского областного суда Минеева А.Н. от 30.01.15 г назначено судебное заседание в суде апелляционной инстанции на 26.02.15 г (**том 13, л.д.2**).

Соответственно, в судебном заседании Судебной коллегии 26.02.15 г судья докладчик Минеев А.Н доложил доводы основного и дополнительного апелляционного представления государственного обвинителя, основных и дополнительных апелляционных жалоб потерпевших и их представителя, которые были рассмотрены без учёта ограничений, установленных в ч.4, ст.389.8 УПК РФ.

1.2.

Судебная коллегия не выполнила требования ч.1, ст.389.19 УПК РФ.

При решении вопроса об отмене оправдательного приговора, суд апелляционной инстанции должен действовать с особой тщательностью и осторожностью, **чтобы не нарушить принципы состязательности уголовного судопроизводства и независимости суда (ст. ст. 14, 15 УПК РФ), и не выйти за рамки доводов прокурора государственного обвинителя и потерпевшего, изложенных в апелляционных жалобах и апелляционном представлении.**

С другой стороны, в соответствии с ч.1, ст.389.19 УПК РФ, при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, суд не связан обвинительными доводами апелляционного представления прокурора и апелляционных жалоб потерпевших, обжалующих оправдательный приговор, и обязан проверить производство по уголовному делу в полном объёме, чтобы **удостовериться в наличии достаточных оснований для отмены оправдательного приговора.**

При этом, положение оправданного не может быть ухудшено более того, о чём изложена просьба в апелляционном представлении прокурора и/или в апелляционной жалобе потерпевшего (ч.4, ст.389.8 УПК РФ). Для этого, суд апелляционной инстанции обязан критически подойти к доводам стороны обвинения и принять во внимание также другие материалы уголовного дела, не подтверждающие и/или опровергающие доводы обвинения.

Соответственно, если суд апелляционной инстанции односторонне проверяет уголовное дело и ограничивается только доводами апелляционного представления и апелляционных жалоб потерпевших, игнорируя обстоятельства уголовного дела, ставящие под сомнение и/или опровергающие доводы стороны обвинения, то, вынесенное апелляционное определение не может быть признано обоснованным и подлежит отмене.

О том, что указанные требования уголовно-процессуального закона не были выполнены, свидетельствует протокол судебного заседания суда апелляционной инстанции (**том 13, л.д.85-126**). Ниже будут приведены доводы о наличии иных версий, которые остались не исследованными, но, которые должны были быть приняты во внимание судом апелляционной инстанции.

Кроме того, **отменяя оправдательный приговор и устраняя сомнения в его законности и обоснованности, суд апелляционной инстанции вправе был вынести новый оправдательный приговор (п.5, ч.1, ст.389.20 УПК РФ).**

Именно такое решение должна была принять Судебная коллегия, выполнив в полном объёме требования ч.1, ст.389.19 УПК РФ и подвергнув тщательной проверке доводы государственного обвинителя и потерпевших.

II.

Апелляционное определение опровергается материалами уголовного дела.

В любом случае, выводы апелляционного определения должны быть основаны не на предположениях, а исключительно и только на материалах уголовного дела и подтверждаться ими. При этом, все возникающие сомнения, которые суд апелляционной инстанции не смог устранить, должны были быть истолкованы в пользу оправданного Лошагина Д.А.

В нашем случае, суд апелляционной инстанции эти правила доказывания не соблюдал и, фактически, незаконно переложил на сторону защиты обязанность доказывания своей невиновности и обязанность опровержения предположений стороны обвинения, в том числе, предположений Судебной коллегии,

преследующих только обвинительные цели, что само по себе является существенным нарушением законности.

При этом, явным нарушением принципа равноправия и состязательности сторон надлежит признать действия суда апелляционной инстанции, когда доводы к отмене оправдательного приговора **возникли не в судебном заседании** с участием сторон в обсуждении этих доводов, а в совещательной комнате, где сами судьи по своему усмотрению вышли за пределы доводов апелляционных жалоб и представления, и безосновательно, на основе своих предположений «придумали» основания для отмены законного и обоснованного оправдательного приговора. При этом, **в протоколе судебного заседания не отражены** действия Судебной коллегии по выяснению и установлению фактов, о которых, как якобы Судебной коллегией установленных, утверждается в апелляционном определении.

Так, в апелляционном определении утверждается, что якобы *«судом первой инстанции допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на вывод о виновности подсудимого, а выводы суда не соответствуют изложенным в приговоре обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, что в силу ст.389.15 УПК РФ является основанием для отмены состоявшегося в отношении Лошагина Д.А. оправдательного приговора по доводам апелляционного представления государственного обвинителя и апелляционным жалобам потерпевших, а также представителя потерпевшей Рябовой С.В.»... (апелляционное определение, стр.7, верх, том 13, л.д.135).*

Однако, эти, а также все последующие утверждения в апелляционном определении являются надуманными и не подтверждаются даже теми материалами уголовного дела, на которые сослалась Судебная коллегия далее в тексте апелляционного определения.

Более того, утверждая, что суд первой инстанции якобы не указал, по каким основаниям суд отверг одни доказательства и принял другие, Судебная коллегия сама допустила это нарушение законности, признавая доводы государственного обвинителя и потерпевших, но, полностью игнорируя и оставляя без правовой оценки доводы возражений защитников, что является существенным нарушением положений п.п.6, 7, ч.3, ст.389.28 УПК РФ.

Подобным предвзятым действиям судей Судебной коллегии должна быть дана принципиальная правовая оценка со стороны суда кассационной инстанции – Президиума Свердловского областного суда, поскольку Судебная

коллегия продемонстрировала вопиющий обвинительный уклон, исказив обстоятельства уголовного дела с единственной целью – отменить приговор, поскольку он оправдательный. При этом, как показывает судебная статистика, за 2014 – 2015 гг. Судебная коллегия Свердловского областного суда не отменила по таким же основаниям ни одного обвинительного приговора!

В подтверждение своих утверждений, Судебная коллегия в апелляционном определении указывает –

«признавая в приговоре то обстоятельство, что по делу не имеется очевидцев причинения смерти потерпевшей Прокопьевой, суд установил, что все представленные стороной обвинения доказательства либо являются производными источниками информации, либо отражают субъективное восприятие отдельных лиц о возможном или предполагаемом совершении Лошагиным преступления, одновременно признав показания подсудимого об имевших место событиях последовательными и логичными...»

Однако, подробно описав взаимоотношения потерпевшей и подсудимого до момента причинения смерти Прокопьевой, суд оставил без внимания и не дал оценки показаниям допрошенных потерпевших Рябовой С.В. и Рябова М.В.» ...

(апелляционное определение, стр.7, низ, том 13, л.д.135).

В этих формулировках содержатся грубейшие нарушения конститутивных основ уголовного судопроизводства, содержащих такие основополагающие принципы и правовые положения, как презумпция невиновности; отсутствие у обвиняемого обязанности давать не только правдивые, но, любые показания; привилегия против самообвинения; отсутствие обязанности опровергать обвинение и доказывать свою невиновность и т.д.

*Во-первых, показания оправданного Лошагина Д.А. могли быть любыми, так как он вправе даже давать ложные показания или вообще отказаться от дачи каких-либо показаний. В любом случае, **независимо от показаний Лошагина**, обязанность доказывания его виновности возложена на сторону обвинения, которая действительно не предоставила суду убедительных доказательств вины Лошагина в совершении убийства Прокопьевой – умышленного причинения смерти (другие версии стороной обвинения даже не рассматривались, хотя такие версии были очевидны, и они подлежали выяснению – п.4, Постановления Пленума ВС РФ № 1, от 29.04.96 г «О судебном приговоре»).*

При этом, утверждения Судебной коллегии **игнорируют доводы стороны защиты**, подтверждённые документально, в частности, перепиской в социальной

сети, что Лошагин сообщал о пропаже Прокопьевой и выяснял у общих знакомых, известно ли им, где она находится (см. доводы возражений адвоката Лашина, в т.ч., представленные суду апелляционной инстанции в виде таблицы – **том 13, л.д.65**).

Таким образом, показания Лошагина, даже если бы они были противоречивы и непоследовательны, не могут рассматриваться, как подтверждающие его вину. Обвиняемые в убийстве могут давать самые необычные показания, но, не потому, что они виновны, а потому, что они не хотят, чтобы их признали виновными в совершении преступления, которое они не совершали (достаточно напомнить хрестоматийные дела о серийных убийствах, совершённых маньяками Чикатило и Михасевичем, за совершение которых были незаконно осуждены несколько десятков ни в чём неповинных граждан).

Кроме того, у судебной коллегии не было оснований утверждать, что органы расследования были настолько добросовестны в ходе предварительного следствия, что выясняли и устанавливали все обстоятельства убийства Прокопьевой (далее мы к этому тезису вернёмся).

Во-вторых, какая связь между признанием отсутствия прямых доказательств и показаниями потерпевшей Рябовой С.В., которая действительно не являлась очевидцем убийства, а в своих показаниях ссылаясь на некие сведения, якобы сообщённые ей ранее потерпевшей Прокопьевой? Или Судебная коллегия вполне серьёзно полагает подобные показания заинтересованных лиц достаточными для подтверждения обвинения в убийстве?! При отсутствии иных, более достоверных доказательств!

Далее, в апелляционном определении, в подтверждение своих утверждений, Судебная коллегия указывает –

«остались без оценки суда и показания свидетеля Калыпина в той части, в какой он утверждал, что в 22 часа 13 мин 22 августа 2013 года Прокопьева разговаривала с ним по телефону и высказывала намерение лечь спать»...

(апелляционное определение, стр.8, верх, том 13, л.д.136).

Какое отношение к убийству Прокопьевой имеет факт её разговора по телефону с человеком, находящимся в совершенно другом месте, до того, как было совершено её (Прокопьевой) убийство?

Не более, чем «натянутой», представляется попытка Судебной коллегии увязать это обстоятельство с доказыванием виновности Лошагина в убийстве Прокопьевой!

При этом, совершенно очевидно, что если бы подобными фактами оперировала сторона защиты, пытаясь доказать невиновность подсудимого, то, та же Судебная коллегия утверждала бы совершенно противоположное (что можно наблюдать по материалам апелляционного рассмотрения других уголовных дел).

Все разговоры гостей с потерпевшей, о которых они повествовали суду, как якобы «свидетели обвинения», никакого доказательственного значения не имели. На что совершенно правильно указал судья в оправдательном приговоре, обосновав и мотивировав принимаемые решения.

Далее в апелляционном определении цитируется версия обвинения –

«по версии стороны обвинения, Прокопьева с вечера 22 августа 2013 года самостоятельно не покидала пределы 17 этажа дома по ул. Белинского, 32, и смерть её наступила в техническом помещении данного этажа спустя некоторое время после 22 час 00 мин этого дня...»...

(апелляционное определение, стр.8, середина, том 13, л.д.136).

Однако, этим и руководствовался судья при постановлении оправдательного приговора, что материалами уголовного дела совершенно не доказано, что смерть Прокопьевой наступила именно после 22 час 00 мин, именно 22 августа 2013 г, и именно, что самое главное, в техническом помещении данного этажа...

Чтобы не расплыться на оспаривание выборочных показаний неких случайных лиц, что является ничем иным, как замусориванием материалов уголовного дела с целью придания видимости якобы наличия системы доказательств, остановимся на главном тезисе обвинения – месте и времени убийства Прокопьевой, что на практике именуется «главным фактом» ...

В действительности, НИКАКОГО УБИЙСТВА В ТЕХНИЧЕСКОМ ПОМЕЩЕНИИ НЕ ПРОИСХОДИЛО и суду апелляционной инстанции никакого труда не составляло это установить и признать в апелляционном определении!

Во-первых, по версии обвинения убийство Прокопьевой произошло не сразу. Предварительно, ей нанесли несколько ударов, причинивших физическую боль и оставивших следы, зафиксированные и описанные в судебно-медицинских экспертизах. Соответственно, всё это не сразу случилось. Сначала, если это имело бы место между Лошагиным и Прокопьевой, между ними возник бы конфликт, они стали бы ругаться, кричать друг на друга, и это услышали бы гости, находившиеся неподалёку со всех сторон (этот довод защиты не опровергнут!).

Прокопьева, после первого же удара стала бы звать на помощь – если бы это произошло в помещении технического этажа. Эти крики Прокопьевой услышал бы весь дом, а не только находящиеся вокруг и неподалёку несколько десятков человек гостей (ознакомившись с особенностями технического помещения, отрицать сказанное просто абсурдно! Этот довод защиты тоже не опровергнут).

Но, самое главное, о чём умолчала Судебная коллегия, **перед убийством Прокопьева имела интимные отношения** (не исключено, что сама с собой с помощью фаллоимитаторов) – это установлено судебно-медицинскими экспертами по характерным внутренним признакам повреждений во влагалище Прокопьевой!

Надеюсь, судьи суда кассационной инстанции не станут отрицать (будучи ознакомлены с материалами уголовного дела), что в техническом помещении Прокопьева никак не могла заниматься интимными отношениями ни сама с собой, ни, тем более, с Лошагиным, имея для этого возможность переместиться в свою квартиру!

Обращаю внимание суда кассационной инстанции на очевидные факты, которые были известны и суду первой, и суду апелляционной инстанции, а именно, что через несколько дней после убийства Прокопьевой (якобы 22.09.13 г), на 17 этаже дома, где располагалась квартира Лошагина, в том числе, в помещении технического этажа, **производился обыск** – с 20 час 30 мин 03.09.13 г до 01 час 30 мин 04.09.13 г.

В ходе обыска было зафиксировано, что **всё данное помещение покрыто пылью. Но, никаких следов борьбы, никаких следов от трупа и никаких следов его перемещения (волочения) не было обнаружено!** Вот эти обстоятельства должны были заинтересовать Судебную коллегию, а не домыслы потерпевших, которые судья правильно отверг в оправдательном приговоре.

Полагаю, очевидным, что эти доводы защиты намного убедительнее для целей отмены апелляционного определения, чем доводы апелляционного определения для целей отмены оправдательного приговора.

Во-вторых, на что адвокат защитник Лашин обращал внимание суда первой инстанции, а затем и внимание суда апелляционной инстанции, протокол обыска, во время которого нашли лоскут от рубашки и бокалы, которые якобы находились в руках Лошагина и Прокопьевой, явным образом сфальсифицирован.

Но, суд апелляционной инстанции **даже не упомянул этот довод** в своём

апелляционном определении, что влечёт отмену апелляционного определения само по себе, даже в отсутствие других доводов защиты. При этом, если этот протокол обыска действительно сфальсифицирован, то, изъятые вещественные доказательства, а также все проведённые по ним судебные экспертизы должны быть признаны недопустимыми для целей уголовно-процессуального доказывания – **что и прошу признать в судебном заседании суда кассационной инстанции.**

Эти очевидные доводы заключаются в следующем:

Согласно протоколу обыска от 03.09.13 г, в данном техническом помещении обыск производился по всей его площади **(том 2, л.д.77-101).**

Однако, при производстве этого обыска, в техническом помещении были обнаружены и изъяты только пылесос, пакет для сбора пыли и банка из-под растворителя. Других, значимых для дела объектов, не обнаружено.

В судебном заседании 21.10.14 г был допрошен следователь Акулов А.Н., производивший этот обыск, который пояснил, что всё, что указано в протоколе обыска – было обнаружено и изъято. Если в протоколе что-то не указано, значит, этого не было. **Последнее – это не только слова следователя, а требование закона!**

Обращаю внимание суда кассационной инстанции – в ходе этого обыска никаких бокалов и никакого лоскута от якобы рубашки Лошагина не обнаружено, что означает только одно – **ЭТИХ ПРЕДМЕТОВ ТАМ НЕ БЫЛО!**

Через некоторое время – 27.09.13 г – там же проводится ...осмотр места происшествия **(том 4, л.д.23-38).**

И в ходе проведения этого якобы осмотра помещения, «чудесным образом» обнаруживаются два бокала и лоскут якобы от рубашки Лошагина. При этом, один из бокалов поставлен на цементный пол чуть ли не посередине технического помещения, что исключало возможность его «необнаружения» во время обыска.

Видимо, лица, разместившие в этом помещении эти предметы, были уверены в том, что судьи «поверят этим манипуляциям»! Поверят даже в то, что выпавший из рук стеклянный бокал аккуратно лёг на цементный пол и не разбился!!!

А вот судья Измайлов Э.Р. этому не поверил!

Примечательно то, что при производстве обыска 03.09.13 г участвовал Лошагин, что соответствует уголовно-процессуальному закону.

А при проведении осмотра квартиры Лошагина 27.09.13 г, участие Лошагина уже не было обеспечено. Что само по себе исключает признание

законным проведение данного следственного действия, а равно, влечёт недопустимость результатов этого осмотра – изъятых предметов!

Если судьи Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда считают законными подобные действия органов расследования, то, суд кассационной инстанции обязан пресечь этот правовой нигилизм судей нижестоящей судебной инстанции, сокрывших от реагирования грубые нарушения закона и фальсификации, допущенные органами предварительного следствия.

Соответственно, поскольку суд апелляционной инстанции не выяснил и не дал надлежащей правовой оценки подобным доказательствам обвинения, то, апелляционное определение подлежит безусловной отмене, как вынесенное на основе доказательств, полученных с явными нарушениями законности.

Далее, **на стр.8 – стр.9** в апелляционном определении приведены рассуждения в отношении камер видеонаблюдения, которые ничего особенного не зафиксировали в период времени вскоре после 22 час 22 августа 2013 года, как якобы времени убийства Прокопьевой.

Напротив, как указано в апелляционном определении (**стр.9, середина**), в период времени с 21 час 59 мин до 22 час 53 мин 22 августа 2013 года на камере наружного видеонаблюдения № 8 зафиксировано, как Прокопьева проходит в направлении фотостудии. Но, это не означает, что она осталась в техническом помещении, и не означает, что там Прокопьева встретила с Лошагиным, а не с другим лицом. Кроме того, **Прокопьева двигалась не одна, а с гостями!**

По версии обвинения Прокопьева была убита в техническом помещении. Через которое, вскоре перемещались люди, но, никто из них не наблюдал тело Прокопьевой. Значит, тело было где-то спрятано. **В этом случае, обязательно остались бы следы в помещении, сплошь покрытом слоем пыли. Особенно по краям. И именно с целью отыскания этих следов в техническом помещении производился сначала обыск, а затем осмотр. При их проведении пыль была обнаружена. А вот следов от трупа не было обнаружено. Значит, если такие следы отсутствовали, то, и трупа в техническом помещении НЕ БЫЛО!**

Если в оправдательном приговоре эти выводы не сформулированы ясно и чётко, то, как выше было сказано, **суду апелляционной инстанции ничто не мешало постановить новый оправдательный приговор!**

В апелляционном определении (**стр.10, середина, низ**) уделено внимание также местонахождению мобильных телефонов Лошагина в период времени 23 – 24 августа 2013 года, а также фиксации его выезда на автомашине Ауди, что тоже объективно зафиксировано камерами наружного видеонаблюдения.

В апелляционном определении эти обстоятельства, имеющие определяющее значение для опровержения обвинения, затронуты поверхностно, как и все иные обстоятельства, не укладывающиеся в обвинительную версию, что характерно для обвинительного уклона, который в полной мере проявился в действиях судей Свердловского областного суда Минеева А.Н., Михеевой Е.Н. и Симаковой И.Н.

Вместе с тем, из материалов уголовного дела следует, что труп Прокопьевой был обнаружен в лесном массиве за пределами города Екатеринбурга, примерно, в 11 час 30 мин 24.08.13 г. Труп находился в костре, который горел (рапорт – **том 1, л.д.41**, протокол допроса Лаврова – **том 5, л.д.126** и др.). Значит, труп был подожжён раньше, минут за 30 до его обнаружения Хасановой (**том 5, л.д.132**).

Преступнику требовалось ещё время, чтобы после этого незаметно скрыться.

Однако, люди, обнаружившие труп, находились там рядом до этого и никого не наблюдали. В том числе, не наблюдали и не слышали какую-либо автомашину (по версии обвинения, это была а/м Ауди черного цвета, за рулём которой должен был находиться Лошагин). Въезд и выезд из леса совпадали – это одна грунтовая дорога.

Камеры наружного видеонаблюдения у здания ВКБ «Транснациональный банк» зафиксировали, как а/м Ауди черного цвета, за рулём которой, предположительно находился Лошагин, выехала со двора дома **в 10 час 31 мин (!)** 24.08.13 г и в 13 час 06 мин вернулась. Это объективные данные, способные опровергнуть десятки показаний свидетелей. Особенно, если эти свидетели не наблюдали события, по поводу которых они допрашиваются.

Судьи Судебной коллегии уклонились от обстоятельного выяснения этих определяющих фактических обстоятельств уголовного дела, но, и без этого очевидно и понятно, что если Лошагин 24.08.13 г в 10 час 31 мин выехал из дома, то, он никак не успевал добраться до лесного массива, разместить там тело убитой Прокопьевой, поджечь его и скрыться. При этом, совершить эти действия таким образом, чтобы не быть замеченным лицами, обнаружившими труп, а перед этим ходившими по лесу неподалёку и ничего не заметившими.

Иное в апелляционном определении не установлено, поскольку судьи Судебной коллегии не проверили возможность совершения Лошагиным Д.А. инкриминируемых ему действий в указанный отрезок времени.

Более того, в материалах уголовного дела имеются другие документы, о которых суд апелляционной инстанции умолчал, но, **которые исключали версию обвинения, а именно -**

Согласно исследованных в судебном заседании справки ОАО Мегафон (том 7, л.д.84) и сопроводительного письма ОАО Уралаэрогеодезия (том 7, л.д.87), а также протокола осмотра документов (том 7, л.д.73) - в период с 11 час 25 мин до 11 час 41 мин 24.08.13 г абонентский номер Лошагина Д.А. обслуживался базовыми станциями, расположенными по адресу: Свердловская обл., Северка, гора 366 м. (А:275); Свердловская обл., Новоалексеевское, с. Новоалексеевское (А:65). По версии обвинения – это место обнаружения трупа Прокопьевой независимыми свидетелями. Время обнаружения – 11 час 30 мин 24.08.13 г.

Значит, если эти действия совершил именно Лошагин Д.А., то, он должен был находиться вблизи этого места не с 11 час 25 мин, как объективно установлено оператором мобильной связи, а намного раньше, как это установлено показаниями лиц, обнаруживших труп. Возникло неустранимое противоречие между данными, предоставленными оператором сотовой связи, и показаниями свидетелей, обнаруживших труп Прокопьевой. Это противоречие не было устранено стороной обвинения. А суд апелляционной инстанции просто умолчал об этом, нарушив принцип объективности при осуществлении правосудия.

Таким образом, как правильно указал судья Измайлов Э.Р., материалы уголовного дела не только не содержали достаточной совокупности фактических обстоятельств, позволяющих с бесспорностью сделать вывод о совершении Лошагиным Д.А. убийства Прокопьевой Ю.А., как это изложено в версии органов расследования, но, материалы уголовного дела не подтверждали и опровергали эту версию, как несостоятельную и противоречивую.

Суд апелляционной инстанции скрыл от юридической оценки значимые обстоятельства уголовного дела, установленные в суде первой инстанции, и выборочно указал в апелляционном определении только лишь фрагменты некоторых доказательств, односторонне их истолковав в интересах стороны обвинения. В результате этих незаконных, необъективных, избирательных действий суда апелляционной инстанции незаконно был отменен оправдательный

приговор, для отмены которого у судебной коллегии не имелось необходимых и достаточных правовых и фактических оснований.

При таких данных, апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 26.02.15 г об отмене оправдательного приговора судьи Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга в отношении Лошагина Д.А., подлежит безусловной отмене в кассационном порядке.

С отменой апелляционного определения от 26.02.15 г, подлежат отмене все последующие судебные решения, вынесенные по данному уголовному делу.

Соответственно, для устранения допущенных судом апелляционной инстанции нарушений законности, уголовное дело надлежит направить на новое апелляционное рассмотрение в ином составе судей.

На основании изложенного,
руководствуясь ст. ст. 401.1; 401.2; 401.7; 401.8, п.п.1-4, ст.389.13; п.п.1-3, ст.389.15; п.1-4, ст.389.16; ч.1, ст.389.17; п.п.1-2, ч.1, ст.389.18; ст.389.19-389.33 и ст.ст.401.11-401.16 УПК РФ, -

ПРОШУ:

Отменить апелляционное определение об отмене оправдательного приговора в отношении Лошагина Д.А.

Направить уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение в ином составе судей.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Апелляционное определение от 26.02.15 г;

Оправдательный приговор от 25.12.14 г;

Ордер адвоката;

Адвокат

_____ (Добровинский А.А.)